ЧИСЛО 9. Львовъ 12. Марта 1857. РОКЪ X.

Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА.

Предплату отбираєвъ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского М. Дзѣковскій.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ, ЗАБАВѢ И ГОСПОДАРСТВѢ

СПѢВАКЪ

(Зъ Гетого.)

„Що гомонитъ се край ворôтъ,
Й на мостѣ роззвучае?
Спѣвакъ бы? най вôйде, кажѣтъ,
И тутъ намъ заспѣвае."
Король те рѣкъ; дѣтвакъ помчавъ,
Дѣтвакъ вернувъ, король сказавъ:
„Веди сюди старого!"

— Здорови були, царь и двôръ,
Паны и красавицѣ.
Зъ небесъ не бôльше сяе зôръ
Якъ тутъ въ округъ столицѣ.
Въ горници ясного двора
Хоть очи жмуръ, тутъ не пора,
Изъ дива забуватися. —

И зажмурившись загравъ; слѣдъ при грѣ
Якъ нѣ розливъ напѣвы,
Ажь моторнѣютъ лицарѣ,
Глядять въ подолокъ дѣвы;
Царь полюбивъ такъ пѣснь сесю,
Що золотый ланцухъ спѣвцю
Велѣвъ дати въ заплату.

— Ланцухъ, королю, не менѣ,
Най лицарямъ послужить,
Объ грудь которыхъ на вôйнѣ
Твой врагъ ратища крушитъ;
Хоть дай го свому канцлеру
Най золотого тягару
Ôнъ, якъ другихъ прiймеся.

Я отъ спѣваю якъ той птахъ,
Що живъ, абы спѣвати;
Та пѣснь, що родится въ грудяхъ
Платитъ надъ всѣ заплаты.
Но ласка дать що, то одна:
Що е найлучшого вина
Изъ золота напитись. —

Прiймивъ и выхиливъ пугаръ:
— Солодкажъ ты волого!
Счастливый дôмъ, де тôлькiй даръ
Значитъ якъ сей, не много.
Вы въ счастеньку сгадайте мя,
И дячте Богу, якъ ось я
За сей напôй вамъ дяченъ.

Климковичъ.

ПОСЛѢДНОЕ СРЕДСТВО

Въ незначительной отдаленности синѣнѣютъ карпатскiи верхи, окрашенны вокрꙋгъ зелеными дꙋбровами. Оу стопъ ихъ роспростираеса широкаѧ долина, которою невеличкiй рꙋчей клꙋбитсѧ, оупестренна бꙋйною весняною ростительностью. Въ серединѣ той долины по первой и второй сторонѣ рꙋчаѧ мєвь грибъ коло гриба, выглѧдаютъ кꙋрны хижины, тѧгнетсѧ великое подгорское село Берынь, собственность графовъ Дрꙋжевскихъ. Оу самой середины села воздвигаетсѧ междꙋ старыми липами мꙋрованый домъ Божiй, церковцѧ свѧтаѧ, побочъ деревлѧнна звонница и обиталище дꙋшпастырѧ; дальше

къ концю бѣлѣетсѧ на маломъ горбкȣ дворъ одноповерхный. Єсть то пространное и оказалое зданіє древного зодчества, съ официнами прибочными и старанно оудерживаннымъ подворіємъ. Воздвигаючись на самомъ возвышенію, господьствовалъ Борыньскій дворъ надъ всею прелестною окрестностью, которȣю онъ самъ пріȣкрашалъ.

Но поминȣвши тоє такъ хорошоє розположеніє, казалсѧ онъ въ томъ времено ꙗкій то глȣхій и сȣмный. Нѣтъ въ немъ гаморной жизни на подворю, ни живого сношеніѧ съ официнами, ни безпрерывного швилана слȣгъ, ꙗкъ то обыкновенно въ каждомъ изъ заможнѣйшихъ шлѧхоцкихъ дворовъ бываетъ. Затворенніи все время врата свѣдительствовали, що дȣже мало кто тамъ въѣзжалъ или выѣзжалъ изъ него. Порою только ꙗвилсѧ кто то изъ слȣжбы. Во внȣтрію двора, сȣществовало такожде глȣхоє молчаніє. Цѣлый рѧдъ богато и хорошо снарѧженныхъ комнатъ стоѧлъ бȣдьтобы со всемъ пȣстый. Гробовоє молчаніє занимало всѣ комнаты, даже и тотъ невеличкій салоникъ, въ которомъ сидѣли головніи обитатели двора.

Была та матерь со сыномъ. Сидѣли они въ отдаленію одно отъ дрȣгого, погрȣженны въ сȣмномъ молчанію. Госпожа Дрȣжевска имѣла майже сорокъ лѣтъ, но лице ей было еще хорошоє и жизькоє, чело гладкоє, тѣло ꙗкъ лебедь бѣлоє а волосы черны ꙗкъ оуголь. Постава тѣла и жизькость свѣдительствовали о здоровію и силѣ. Въ одныхъ только очахъ ꙗвлѧлась признака ꙗкого то внȣтренного безпокойствіѧ, ꙗкои то мȣчительной тревоги, котора порою то смирилась, то и сильнѣйшою дѣлалась. Изъ того всего возможно было оубѣдитись, що графинѧ Дрȣжевска принадлежала къ такимъ особамъ, оу которыхъ всѣ внѣшніи чȣвствительніи вліѧніѧ, все возмȣщеніє сердечноє, отзначивались изключно только въ очахъ, въ томъ зеркалѣ дȣши человѣческой.. Томȣ то имѣютъ такокіи особы и въ найбольшомъ несчастью всегда на видъ мирнȣю, здоровȣю и счастливȣ признакȣ на лицѣ. —

Сидѧщый на сȣпротивъ ней сынъ Артȣръ. числилъ 22 лѣтъ, былъ одинакомъ, дѣдичемъ имени и имѣніѧ родины Дрȣжевскихъ. Невозможно кажетсѧ изобразити собѣ большоє сходство въ чертахъ лица ꙗкъ тоє, котороє ꙗвилось оу матери и сына. Артȣръ подобалъ лȣчше на старшого брата, нижели на сына графини Но не лише по чертамъ ꙗвилось такъ необыкновенноє сходство, отзначивалось оноє во всей поставѣ тѣлесной, въцѣломъ физическомъ видѣ обоихъ.

Заровно ꙗкъ графинѧ, такъ и Артȣръ были сильной бȣдовы тѣла, здоровой и хорошой подобы. Высокій, барчистый, съ выстающими грȣдьми, казалсѧ онъ изъобиловати въ здоровье; только въ призначѣ очей заходило значительноє розличіє.

Когда очи графини безпрерывно тревожною печаливостью и безпокойствомъ перeймались; въ позрѣнію Артȣра отзначалась болѣзнь, смȣтокъ, совершенноє росстроеніє оумысла, а порою ꙗкаѧ то тревога, ꙗкоесь отчаѧнноє подверженіє жестокости неизбѣжно приключенной оуже доли.

Сидѣлъ онъ въ великомъ порȣчевомъ креслѣ, лице скрывалъ въ обіи долони и казалсѧ глȣбоко розмышлѧти. Но розмышленіє тоє казалось быти дȣже горкоє и при-

крое, ибо студеный дрощъ встрясивалъ порою члены юноши, а тяжкое востенаніе добывалось изъ грудей.

— Артуръ! рекла чувствительно графиня, ты сновь такъ видится страдаешь?

— Ни крихту, холодно отвѣтилъ юноша, есмь днесь сильнѣйшій нижели обыкновенно.

Слеза засіяла въ очахъ графини и оумолкла на хвилю. Послѣ подвигласъ зъ канапы и рекла приблизившись къ окну:

— Що за роскошная весна на дворѣ! Не восхотѣлъ бы ты проѣхатись на кони?

— Ахъ! отозвался Артуръ, стараючись скрыти нетерпѣликость; послѣдная ѣзда моя такъ мене оутомила, що я заклялся не оупотребляти ей черезъ нѣсколько тыждней.

И сновь гробовое молчаніе послѣдовало. По нѣсколько времени отозвалась графиня.

— Не говорила я тобѣ, що г. Фалкъ принялъ наконецъ мое запрошеніе и еще нынѣ прибудетъ къ намъ!

— Слышалъ я о томъ еще позавчера, отказалъ Артуръ, а на оустахъ его появилося горкое оусмѣханіе.

— Нашъ престольный лѣкарь, розправляла графиня, дѣлаетъ якъ слышу чудесны излѣченія. Госпожа Еразмова не въ силѣ розказывати менѣ о тыхъ то его чудныхъ изцѣленіяхъ, яковы онъ ежедневно дѣлаетъ оу такихъ недужныхъ, о которыхъ даже оусомнѣвались. Когда оуслышала, що вознамѣрѣваетъ пойти за границю, съ откуда отъ тридцати лѣтъ прибылъ; весь городъ погрузился въ оужаснѣйшую тревогу. Кромѣ того г. Фалькъ есть человѣкомъ рѣдкой благородности сердця и несривнательной праведности характера. Дочка его принадлежитъ къ превосходнымъ красотамъ; ей то любованію жизны сельской благодарю за рѣшеніе славутного лѣкаря, що посѣтитъ насъ безсомнѣнно. Освободись про тое мой сыну отъ тихъ то черныхъ мыслей. Если воистинно ты єсь недуженъ, то лѣкарь такъ искусный возможетъ запобѣчи всякому лиху.

— Ахъ! тоежъ самое говорили и о лѣкарѣ Ассандри, отвѣтилъ съ горькимъ оусмѣхненіемъ юноша. Полагали мы въ немъ такъ неизмѣнны надежды...

„Дежъ любезный! Ассандри заразъ сначала не понравился тебѣ своимъ поступкомъ вспыльчивымъ, ты не хотѣлъ вѣрити его оутвержденію, що ты здоровшій отъ него самого.

Въ ту минуту заѣхалъ на подворіе хорошій повозъ и розмова прекратилась. Гжа Дружевска прискочила къ окну, а радость заснѣла въ ей очахъ.

„Господинъ Фалкъ! Онъ вѣрно додержалъ обѣтоканное слово."

Былъ то истинно Г. Фалкъ, найславнѣйшій лѣкарь престольного города. Подаючись оусильнымъ просьбамъ графини, пріѣхалъ онъ купно съ своею семьнадцятилѣтною дочкою Мариною на лѣтное время въ корыньскій дворецъ. Сидячій при окнѣ Артуръ оузналъ въ немъ мужа не множко подстарѣлого, низкого возраста, оумного и привлекательного. Волосье не множко рѣдкое открывало точнѣйше его высокое велику оученость знаменившое чело, подъ которымъ двое быстрыхъ и проницательныхъ очей искрилось. Цѣлая его постава возбуждала на первый взглядъ довѣріе и принуждала мимовольно къ поважанію. Сидяща коло него дочка была такою красавицею, якой въ цѣлой окре-

стности не встрѣчалось.

Довольно было погланути на ей лице оудалое, на тїи два чернобривыи очка палающихъ пречудесным блескомъ, на тїи оуста отверающїися якъ кросъ розовый, на тое гладкое и ясное чело; довольно было на все тое разъ только гланути, дабы оудостовѣритись о ей благородныхъ чувствахъ. Якъ пречудесно пристали снѣжнїи составы тѣла до чорныхъ искусно сплетеныхъ косъ! въ якую наповидную гармонїю сливались всѣ части ей оуродливого тѣла! Подперта на рамени отца выскочила легонько и проворно такъ що здавалось не прикоснается даже земликсни чиками своей маленькой ноги. Лице ей въ то время здавалось еще красшимъ и привлекательнѣйшимъ.

Оувидѣвши тое Артуръ, почулъ въ себѣ якое то дивное волнованїе. Руманецъ выступилъ на его блѣдое лице, око розжарилось и онъ вдохновенно воскрикнулъ: „Ахъ! якажъ она красна!"

Но цѣла тая перемѣна тревала короткое время. Сейчасъ сталъся юноша опять сумнымъ, горкїй оусмѣхъ покривилъ уста, дикая отчаянность вступила снова въ его лице.

„Ахъ" — воскрикнулъ проницательнымъ голосомъ" — що же менѣ по красотѣ — менѣ, имѣющому только два года жизны предъ собою."

Послѣ того кинулся на ближайшую канапу, сокрылъ снова лице обѣима долоньми, и стогналъ глухо.

Между тѣмъ графина поскорила привѣтствовати своихъ любыхъ гостей, и непризволяя извинитись путешественнымъ облаченїемъ, вовела ихъ въ гостинную комнату, въ которой оставался Артуръ.

„Мой сынъ, Господине совѣтнику" — сказала вступаючи въ комнату — „Господинъ докторъ Фалкъ, Госпожа Марина, Артуръ.

Слѣдовали обыкновеннїи привѣтствїя а лѣкарь проницательно спогланулъ въ лице юноши. Оувѣдавъ однако силу и здоровїе мнимого хоробою низложенного молодца оудивительно позрѣлъ на матерь. Графина отгадала оудивленїе лѣкаря, оусмѣхнулась горестно и сказала:

„Будущїй пацїентъ, господине совѣтнику."

„А если такъ," отвѣчалъ добродушный лѣкарь, що мы должны ближше съ собою поговорити."

Подалъ руку Артуровы, думаючи тѣмъ способомъ непримѣтно изслѣдити круженїе пульса. Но и тутъ лѣкарь нашелъ правое свое предположенїе; онъ стиснувши раменами оусмѣхнулся съ иронїею. Послѣ сего оусловившись еще съ графинею къ завтрашному совѣтованїю, отошелъ съ дочкою до назначенныхъ себѣ комнатъ.

„И якъ же понравилась тебѣ Борынь, Марине!" спросилъ докторъ послѣ отшествїя послужчика.

„Пречудесно!" отвѣтила молодая невѣста. — „Окрестность прекрасна; прїятность графини въ каждомъ отношенїю щира и правдива; весь способъ ей обхожденїя столько имѣетъ привлекательности що мимовольно льгнетъ сердце къ ней.

„Неимовѣрно" — сказалъ лѣкарь стиснувши раменами — „тридцатъ лѣтъ посвящаюсь моему званїю, а николи не просили мене такъ оусильно о помощь для хворого, которыйбы ей такъ мало тревовалъ. Сей молодый графъ — совсемъ здоровъ, возрастъ атлетичный, грудь полна, руманецъ свѣжїй; все тое знамену-

етъ въ немъ силȣ и чирствое здоровье. Пȣльсъ ходитъ ꙗкъ ȣ найздоровѣйшого человѣка. Вѣрно, съ великою нетерпѣливостїю ожидаю завтрашного совѣтованїѧ. (п. с.)

КРАСОТА И ВЕЛИЧЕСТВЕННОСТЬ

(продолженїе)

Отъ сȣщности перейдемъ въ краи мапчти, но и тȣтъ человѣкъ сподобилъ собѣ, быти живописцемъ своихъ страданїй. Однаѧ и таѧ самаѧ фантазїѧ ȣтворила Олимпъ и пропасти Тартара. Оттȣда дȣгою снисходитъ на землю Ирисъ, оттȣда бѣшенныи фȣрїи вылѣтаютъ. Видѧ тое въ нравственномъ и физическомъ мїрѣ, а даже въ крайнахъ мечты, человѣкомъ сотворенныхъ, не знати, есть ли онъ ȣзникȣ заточенномȣ подобный, изъображающомȣ себѣ въ грȣстномъ положенїю краснїи окрестности по стѣнахъ или же тѣмъ свободнымъ Господиномъ, ставлѧющимъ предъ себе съ веселїемъ образъ страдающого Лаокоона?

За длѧ чого ровно до того, ꙗкъ до нѣжной красоты влїала въ насъ приклонность природа? По ꙗкой причинѣ человѣкъ, который самъ только одинъ междȣ сотворенѧми земскими разоренїе предвидитъ, любȣется видомъ разоренїѧ? И въ томъ провидѣнїе имѣло свою цѣль. Ꙗкъ по образȣ красоты въ природѣ началъ ȣкрашати себе, чȣвства ȣблагороднѧти; такъ препятствїѧми, ꙗкїи встрѣчалъ въ розвȣѧлой природѣ, началъ ȣкрѣплѧти напередъ свое тѣло, потомъ ȣмъ. Смысловыи потребы освоили его насампередъ съ насилїемъ природныхъ тѣлъ. Нȣжно было боротись за прокормленїе съ дикими звѣрѧми, пȣститись въ пропасти за зелѣзомъ, и за зыскомъ море перегребсти. Тое безпрестанное съискиванїе сокровищъ зъ природы розвинȣло въ немъ силȣ физическȣ, а потомъ и нравственнȣ; оттȣда сталсѧ отважнымъ и по семȣ сталъ гордѣти смертїю а искати славы и тое то знаменȣетъ дȣха его безсмертного. Таѧ любовь славы ограничалась сперва на самой только силѣ физической, тогда бо была она найнȣжнѣйшою. Посемȣ не только на тое, що его окрȣжало, но и на самого себе звернȣлъ вниманїе: не искалъ онъ только славы побѣдою надъ врагомъ, але самъ надъ собою. Пожертвованїе длѧ ближныхъ, прощенїе — была то высшаѧ отвага и высшое мȣжество. Словомъ, ꙗкъ красотѣ одолжены мы въ большой части нравственность нашȣ, такъ розмышленїемъ событїй ȣжасныхъ осѧгнȣли мы величественный характеръ дȣха. —

Человѣкъ видѧчи, що все вокрȣгъ него подлежитъ измѣнамъ и никнетъ, не имѣлъ иного средства, ꙗкъ только силою дȣха надъ тое вознестись. Долго онъ работалъ безȣспѣшно розсȣждаючи о дивномъ ȣстройствѣ вселенной, непонѧтна природа припоминȣла емȣ его обмеженность, сокрȣшающи его физическȣю немощь. Но приклекательностью тыхъ розсȣжденїй освоилсѧ онъ съ нею; началъ мыслити и ставатись постоѧннымъ. Скоро огромныи великаны природы инымъ словомъ до него промовили; тымъ самымъ, що его таѧ величественность тронѧетъ, що емȣ безсильность его пригадȣетъ, а однакожъ конечно до себе привлекаетъ, почȣвствовалъ, що есть въ немъ сила, котора надъ природою господствовати возможетъ. Тȣтъ ȣже жестокость въ природѣ клонитсѧ предъ его взоромъ. Смысловый мїръ емȣ недостаточенъ. Освоеный съ ве-

личественными озъображенїями чѹждаетсѧ земскими гадками и чѹвствами. Почѹвствовалъ въ себѣ званїе и обязанность, влюбился въ то, що его нравственно благороднымъ творитъ. Сдѣлался съ предвѣдченїя благороднымъ, и тое то благородїе въ дѣланїяхъ, найвыше поставленное, называемъ возвышенностью дѹха.

Всякїй изслѣдователь природы понимаетъ, що въ ней совокѹпляесь жестокость съ загальнымъ пожиткомъ, величественность съ красотою. Если въ разоренїяхъ природы не всегда встрѣчаемъ загального добра; не природа, но мы слабымъ нашимъ розѹмомъ семѹ причиною. Но собственностью розѹма есть: зъ розличныхъ подробностей слѣдити за цѣлостїю, а въ свирѣпой силѣ природы встрѣчаемъ столько благодѣтельныхъ послѣдствїй, що о ей загальныхъ благодѣянїяхъ тимъ меньше сомнѣватись годится. Природа въ очахъ того, который ею изъглѹблати есть въ состоянїю, становится непонятною чѹдодотворною силою, котора съ одной стороны все оживляетъ и держитъ, съ дрѹгой же истребляетъ. Въ одномъ дѣланїю всегда есть красною, въ дрѹгомъ свирѣпою, а въ обохъ отношенїяхъ величественною становится томѹ, кто ею понимаетъ.

Природа издаетъ все, кѹпно же и истребляетъ. Вода разрѹшаетъ горы, долины, каменья и зелїя. Огонь все пожретъ и розсыплетъ, вымѣтѹетъ на милю огромныи массы съ отхлани земли. Влїянїю воздѹха все подчиняется на земли; всюда и всегда есть дѣятельнымъ, дерево повалитъ, камень сокрѹшитъ, житье наразитъ; металли влїянїю его выставлени теряютъ краскѹ, истребляются мовь зелїя, каждая капля кровй подъ его влїянїемъ пропадаетъ мовь безполезна; онъ въ каждѹю ранѹ втиснется, отнимаетъ часть безполезнѹ тѣлѹ и въ иное мѣстце переноситъ, мало помалѹ отнимаетъ намъ силы долго прїобрѣтаемїи не прощаючи даже одеждѣ, которою предъ нимъ охороняемся; невидимый непонятный посланникъ высочайшихъ повелѣнїй приноситъ, отнимаетъ, истребляетъ, оживляетъ — а прежде истребленїя всегда впередъ отнимаетъ красотѹ а оставляетъ знаки на своихъ жертвахъ.

Но тїи самїи борствѹющїи силы совокѹпляются вышшимъ оѹраженїемъ къ цѣли благодатной и къ дѣламъ величественнымъ.

Всѣ нашїи поля, горы, долины поднеслись зъ розвалинъ, который повольно зъ найвысшихъ горъ скотивались. Поверхность земли состоитъ съ оторваныхъ частей горъ, который вода, бѹри и трясенїе земли рознесли. Тѹтъ на долинѣ роздробляется, що тамъ сильно стояло — и тѹтъ все дышитъ житьемъ. Оумъ ни даже мечтанїе не исповѣстъ, якъ огонь, вода и воздѹхъ опрятно и безпрерывно работаютъ розносячи найдробнѣйшїи частточки и зародици зъ одного мѣстця на дрѹгое. Якъ отдѣляютъ сѣмя и поживность, якъ ихъ перетворяютъ своимъ образомъ. Массы земли около вѹльканов повстали съ ихъ вымета — и тїи издаютъ найкраснїй и найполезнѣйшїй плодъ. Надъ отхланею Етны земля благовоннымъ цвѣтомъ покрыта. Не менѣе можна бы привести тѹтъ благодѣтельнїи слѣдства выстѹпленїя Нила и Волги.

(п. с.)

ГОСПОДАРСТВО.

— Средство противъ укушенію вымя черезъ ласицю. Берется негашеное вапно мѣлко розтолчено и пересѣяно и лянный олѣй, съ той мѣшанины зробится масть, которою вымя такъ часто намазытати нужно, якъ мымя вохкость тратитъ. Ягня потреба на сіе время отлучити, а молоко съ легка пальцами вытискати.

ВСЯЧИНА.

— Драгоцѣнный памятникъ старины. Французкій Дневникъ Прессе де Оріентъ подаетъ пространное справозданіе о найновѣйшихъ изслѣдованіяхъ археологическихъ на площади Алмейдинъ въ Цареградѣ, и думаетъ, що откопана колумна зъ бронза, о которой дневники многократно писали, числитъ 2300 лѣтъ, якъ свѣдительствуетъ напись въ новѣйшое время съ великимъ трудомъ рѣшена. Имѣетъ то быти тая самая колумна, котору Константинъ Великій привезъ зъ Делфиды и преобразилъ въ каскаду а котору Греки воздвигли Аполлю на увѣкопомненіе знаменитой побѣды надъ Персами подъ Платеами. На той то колумвѣ стоялъ нѣкогда славный тройногъ свытыни въ Дельфахъ.

Хинскіи часосказы. Славный путешественникъ французскій Ля Гукъ, который последними временами посѣщалъ Тибетъ и цѣлое небесное Царство, повѣствуетъ въ своемъ найновѣйшомъ сочиненіи слѣдующую анекдоту зъ жизни Хинчиковъ: „Одного дня идучи въ гостину до навращенной нами христіянской громады, стрѣтили мы на пути молодого Хинчикя пасущого волы. Одинъ изъ насъ вопросилъ его, чи уже полдень? Юноша поглянулъ на небо, а увидѣвши оное окрытымъ хмарами отвѣтилъ: „Не могу спостеречи солнца, но задержитесь не множко." И побѣгъ поспѣшно до ближайшой хижи. По короткой хвили вернулся съ котомъ на рамени. „Видите" сказалъ подносячи котови повѣки зъ подъ очей, "нѣтъ еще полудня." Мы съ удивленіемъ глядѣли на хлопця, который не здавался намъ быти жартовникомъ. Котъ видно было освоеный съ такою операціею здавался супокойнымъ и розумнымъ, якъ бы вказываніе часа было его свычайнымъ и властивымъ обовязкомъ. Мы поблагодарили юношу съ усмѣхомъ, стыдячись требовати отъ него близшого изясненія. Но скоро мы пришли до нашой громады христіянсккой, вопросили предовсемъ, якую цѣль имѣла означати тая операція съ повѣками кота. Хинчики не мало удивились нашому невѣжеству и словили сейчасъ нѣсколько котовъ, дабы насъ пересвѣдчити, що въ ихъ очахъ найлучшіи часосказы. Зорниця бо кота уменьшается що разъ значнѣйше къ полудню, а въ самъ полдень дѣлается ужъ якъ тоненькій волосокъ. Отъ полудня начинается побольшати па ново, а о полуночи принимаетъ видъ великой галки округлой. Удостовѣряли насъ при томъ одногласно, що каждое хинское дитя изучится въ короткомъ времени означати тѣмъ способомъ каждую пору дня якъ найточнѣйше. —

— Въ 1856 году отдано на почты въ царствѣ Австрійскомъ 54.950.400 листовъ. Найбольшій оборотъ корреспонденційный показался въ дольныхъ Ракузахъ, тамъ припадаетъ на мѣсяцъ 1 миліонъ листовъ; потомъ въ Чехахъ, Украхъ, въ Ломбардіи, Венеціи, Моравѣ, Слезску, Галиціи, Штиріи, Тыролѣ и горныхъ Ракузахъ. —

— Въ короткомъ времени въ Познанѣ имѣетъ воздвигнутись памятникъ померщому польскому поету Адаму Мицькевичу. Великопольскіи обыватели занялись симъ дѣломъ и нѣкій художникъ сдѣлалъ статую зъ каменя тесового 6 стопъ высокую не вчисляючи въ то подставы имѣющой $4^1/_2$ стопъ высокости. —

— Училище Сморгонское. Кому не извѣстно о славной академіи въ Сморгоню (между Ошмяною и Минскомъ на Литвѣ), где медведей изучиваютъ танцовати! Однакожъ мало кто вѣдаетъ, якимъ способомъ достигается тотъ результатъ. Нужно про тое знати методу образованія сморгонского, ибо мимо свычайныхъ о немъ жартовъ, стоитъ оно далеко больше прозорности и труда, нижели мы собѣ тое изображаемъ. Дѣломъ образованія занимаются по большой части Цыганы, въ нарочно на сію цѣль приспособленномъ зданіи на предмѣстью. Пособивши собѣ молодого медведя или мыся, прибираютъ его Цыганы насампередъ въ грубыи черевики или

ходаки на заднiи лапы. Такъ въ передной половинѣ босый, въ задной обутый, входитъ съ Цыганомъ, на ланцушку, до головной комнаты науки. Есть то пространна заля, имѣюща помостъ бляшаный, подъ которымъ горитъ огонь. Вокругъ комнаты тягнется узкая приспа съ цегли, на котору восходитъ Цыганъ, пускаючи елева своего на середину. Ино що двери затворятся, вынимаетъ Цыганъ фуярку и начинаетъ играти. Одновременно слышитъ медвѣдокъ неизвѣстнiи звуки музыки, и чувствуетъ въ переднихъ лапахъ спеченiе отъ розжаренной бляхи. Помагаетъ онъ собѣ тогда ставанiемъ на заднихъ обутыхъ лапахъ подносячи босыи въ гору. Но и тое не выстарчаетъ на долшое время, понеже розжаренна бляха начинаетъ небавомъ и черезъ обувье припекати. Въ такомъ случаю принужденъ неборакъ переступати съ ноги на ногу и такъ скорше нижели бы можна надѣятись изъучится ставати на задныи лапы, подскакивати, а сопровожденный на ланцушку вокругъ приспи — танцовати. Тое все дѣется при сопровождениi фуярки, котора только тогда умолкаетъ, когда кончится наука, а ученикъ съ професоромъ опущаетъ залю. Поутро нова лекцiя, новiи скочки по розжаренной блясѣ. Съ временемъ нута музыки и нужность подскакиванiя для охороны лапъ отъ жару, такъ совокупляются въ воображенiю медвѣдя, що онъ на конецъ уважаетъ тое принужденiе яко слѣдствiе чародѣйныхъ звуковъ музыки. Оттуда по колькохъ лекцiяхъ на самое звучное выигриванiе фуярки начинаетъ онъ даже скочно танцовати. Для усовершенiя своихъ студiй выступаетъ ученикъ напослѣдъ въ отвертомъ поли, на пѣску или муравнику, а отбывши превосходно свой испытъ, пускается въ артистичное путешествiе по божiемъ свѣтѣ. — Любопытно было бы привести тамъ и сравнити литовского медвѣдя подъ дирекцiею Цыгана съ альпейскимъ подъ наставленiемъ Савоярда. О сколько сходнымъ или отмѣннымъ способомъ изъучились оба танцовати? О сабаудской методѣ не придарилось намъ нигдѣ щось подробно слышати. —

— Древныи права Индiанцевъ о женщинахъ: „Не бiй женщину хотя бы стократно провинила; не бiй еы даже цвѣтомъ. Одна матерь стоитъ больше тысящъ мужей, онаноситъ и кормитъ дитя, а тымъ самымъ достойна найвысшого почитанiя. Если славимъ землю, для чегожъ не имѣли бы мы тѣмъ больше славити матерь? Опредѣленiе невѣсти — домъ. Домъ въ которомъ нѣтъ жены, не есть правдивымъ домомъ. Невѣста должна порядокъ и чистоту въ хатѣ беречи; да не вдается въ розмову съ чужими мужами; да не вѣритъ словамъ облудныхъ жебраковъ; да предъ свѣтомъ дня не выходитъ изъ дома, не искаетъ увеселенiй, не задержуется при кирницяхъ публичныхъ; да воздержуется отъ мяса и горячихъ напоевъ, всѣми силами да стережется безполезныхъ издержокъ, сварни, лѣнивства и грустного гумора. Предъ розжаренiемъ святого огня не вольно ей мыслити о прiукрашенiю своей особы, не омытыми руками не достоитъ ей прикасатись ани чарки, ани сита, ани якого нибудь сосуда съ молокомъ или инымъ съѣстнымъ припасомъ. Когда сосуды почиститъ, замететъ хату; приберетъ бѣлую одежду, вымыетъ руку и ноги, уста выполочетъ, и напоется воды, да пойдетъ въ святое мѣстце и поклонится рослинѣ куса и прочимъ цвѣтамъ; да омаститъ свѣжимъ масломъ покормъ для мужа и жертвъ опредѣленыхъ богинямъ. . . Должна домъ въ чистотѣ удержовати, имѣти всегда припасы домашнiи, быти всегда веселою и доброхотною. До мужа должна всегда съ чувствiемъ говорити; да не сѣдаетъ, коли онъ стоитъ. Должна помагати ему въ всякой болѣзни и выходити на встрѣчу, коли вертаетъ съ далекой дороги. Женщина сопровождающая своего мужа на другiй свѣтъ, столько лѣтъ обытати будетъ въ краяхъ радости, сколько волосовъ на тѣлѣ человѣка т. е. 35 милiоновъ. Якъ стрѣлецъ выдобываетъ вужа зъ ямы, такъ она выдобудетъ своего мужа зъ краины смутка, и будетъ вразъ съ нимъ дѣлити радость. И будетъ такъ долго веселитись при мужу, якъ долго тревати будетъ четырнадьцять господствованiй бога Иидра. Когда мужъ въ чужинѣ умретъ, должна вдовиця надѣти сандали на груди и кинутись въ огонь. —

Тупомъ Института Ставропигiанского. Редакторъ Николай Савчиньскiй.